

## СПЕЦИФИКА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В 1920-1930-Х ГГ. В КАЗАХСТАНЕ

**Козыбаева Махаббат Маликовна<sup>1\*</sup>**

<sup>1</sup> Доктор PhD, директор филиала Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова в г. Астана. Казахстан, г. Астана. E-mail: koz.mahabbat\_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>.

\*Автор-корреспондент

**Аннотация.** *Введение.* В период политических репрессий в 1920-1930-х годах появляется маргинальная часть общества – лишенцы. Одним из методов борьбы с «классовым врагом» была политика лишения политических и гражданских прав по классовому, социальному, национальному, духовному и другим признакам, выражавшаяся в ограничении их прав и свобод. Эта жестокая идея, основанная на разделении населения Союза на классы, появилась у советского руководства вскоре после Октябрьской революции 1917 года, а в июле 1918 года – лишение права голоса за принадлежность к определенному классу или социальной группе было закреплено в специальной статье первой Конституции РСФСР. Эта норма сохранялась до середины 1930-х годов. *Цель и задачи исследования* – изучить процессы лишения избирательных прав в отдельных регионах и городах Казахстана, выявить правовой статус лишенцев и проблемы их адаптации. *Результаты.* В 1923-1927 годы категорий включенных в список лишенных избирательных прав людей в Казахстане было гораздо шире и разнообразнее, чем на других территориях Советского Союза. В Казахстане, в первую очередь, лишались прав баи, кулаки, участники народных восстаний и протестов, священнослужители, бывшие торговцы, перекупщики, бывшие волостные управители и аульные старшины, другие царские чиновники, начавшие свою деятельность в дореволюционное время. С учетом этого обстоятельства, в период с 1918 до 1936 годов в Казахстане были лишены избирательного права сотни тысяч человек за принадлежность к определенному классу или социальной группе, что было закреплено в особой статье Конституции. Лишение избирательных прав влекло за собой ущемление прав и свобод, включая право на жизнь. Путем лишения избирательных прав большевистско-сталинской власти удавалось ограничить на правовой основе политически активных крестьян, выступавших против колхозного строя, либо не выражавших своё сочувствие к нему. *Выводы.* В 1918-1936 годы механизм внесудебного лишения политических избирательных прав граждан советского государства, в том числе и городах Казахстана, позволил вывести их из организационно-правовой формы. Лишение избирательных прав позволило нейтрализовать значительную часть населения, сделало возможным постепенное введение политики силового решения вопросов управления в регионе и в конечном итоге создало условия для применения репрессивных мер по отношению к населению Казахстана.

**Ключевые слова:** политические репрессии, лишение избирательных прав, лишенцы, правовой статус, адаптация, города Казахстана

## ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1920-1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ДАУЫС ҚҰҚЫҒЫНАН АЙРЫЛУ ЕРЕКШЕЛІГІ

**Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы<sup>1\*</sup>**

<sup>1</sup> PhD докторы, Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты филиалының директоры. Қазақстан, Астана қ. E-mail: koz.mahabbat\_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>.

\* Автор-корреспондент

**Аңдатпа.** *Kipicne.* 1920-1930 жылдардағы Қазақстан қалаларының әлеуметтік құрылымындағы саяси қуғын-сүргін кезеңінде қоғамның маргиналды бөлігі - сайлау құқығынан айырылғандар пайда болды. «Тап жауларымен» күресу әдістерінің бірі олардың құқықтары мен бостандықтарын шектеуде көрсетілген таптық, әлеуметтік, ұлттық, рухани және басқа да белгілер бойынша саяси және азаматтық құқықтардан айыру саясаты болды. Одақ халқын таптарға бөлуге негізделген осы бір қатыгез идея 1917 жылғы Қазан төңкерісінен кейін-ақ пайда болды, ал 1918 жылы шілдеде РСФСР тұңғыш Конституциясының арнайы бабында белгілі бір тапқа немесе әлеуметтік топқа мүше болғаны дауыс беру құқығынан айыру бекітілді. Бұл норма 1930 жылдардың ортасына дейін сақталды. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері* – Қазақстанның жекелеген өңірлері мен қалаларындағы сайлау құқығынан айыру процестерін зерделеу, сайлау құқығынан айырылғандардың құқықтық мәртебесін және олардың бейімделу проблемаларын анықтау. *Нәтижелер.* 1923-1927 жылдары Қазақстанда сайлау құқығынан айырылғандардың тізіміне кірген адамдардың санаттары Кеңестер Одағының өзге территорияларына қарағанда әлдеқайда кең және алуан түрлі болды. Қазақстанда, ең алдымен, бай, кулактар, халық көтерілістері мен наразылықтарына қатысушылар, діни қызметкерлер, бұрынғы саудагерлер, алып-сатарлар, бұрынғы болыс билеушілері мен ауыл старшиналары, революцияға дейін қызмет жасаған патша шенеуніктері құқығынан айырылды. Осы жағдайды ескере отырып, 1918-1936 жылдар аралығында Қазақстанда белгілі бір тапқа немесе әлеуметтік топқа жататындығы үшін жүздеген мың адам сайлау құқығынан айырылды, бұл мәселе Конституцияның ерекше бабымен бекітілді. Сайлау құқығынан айыру құқықтар мен бостандықтарға, соның ішінде өмір сүру құқығына нұқсан келтірді. Большевиктік-сталиндік билік сайлау құқығынан айыру арқылы колхоз жүйесіне қарсы шыққан немесе жанашырлық білдірмеген саяси белсенді шаруаларды құқықтық негізде шектеді. *Тұжырымдар.* 1918-1936 жылдары Кеңес мемлекеті, оның ішінде Қазақстан қалалары азаматтарын саяси сайлау құқықтарынан соттан тыс айыру тетігі оларды ұйымдық-құқықтық формадан шығаруға мүмкіндік берді. Сайлау құқығынан айыру халықтың едәуір бөлігін бейтараптандыруға, сонымен қатар өңірдегі басқару мәселелеріне қатысты күшпен шешу саясатын біртіндеп енгізуге мүмкіндік берді.

**Түйін сөздері:** саяси қуғын-сүргін, сайлау құқығынан айыру, айырылғандар, құқықтық мәртебе, бейімделу, Қазақстан қалалары

IRSTI 03.20.00

## SPECIFICITY OF DISENFORCEMENT IN KAZAKHSTAN IN THE 1920-1930S

**Kozybayeva Makhabbat Malikovna<sup>1\*</sup>**

<sup>1</sup> PhD, Director of the branch of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana, Kazakhstan, Astana. E-mail: koz.mahabbat\_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>.

\*Corresponding author

**Abstract. Introduction.** During the period of political repression in the social structure of the cities of Kazakhstan in the 1920-1930s, a marginal part of society appeared - the disenfranchised. One of the methods of fighting the “class enemy” was the policy of deprivation of political and civil rights on class, social, national, spiritual and other grounds, expressed in

restricting their rights and freedoms. This cruel idea, based on dividing the population of the Union into classes, appeared among the Soviet leadership shortly after the October Revolution of 1917, and in July 1918, deprivation of the right to vote for belonging to a certain class or social group was enshrined in a special article of the first Constitution of the RSFSR. This norm remained until the mid-1930s. *The purpose and objectives of the study* are to study the processes of deprivation of voting rights in certain regions and cities of Kazakhstan, to identify the legal status of disenfranchised people and the problems of their adaptation. *Results.* In 1923-1927, the categories of people included in the list of people deprived of voting rights in Kazakhstan were much wider and more diverse than in other territories of the Soviet Union. In Kazakhstan, first of all, bais, kulaks, participants in popular uprisings and protests, clergy, former traders, resellers, former volost managers and aul elders, and other tsarist officials who began their activities in pre-revolutionary times were deprived of their rights. Taking into account this circumstance, in the period from 1918 to 1936 in Kazakhstan hundreds of thousands of people were deprived of the right to vote for belonging to a certain class or social group, which was enshrined in a special article of the Constitution. Deprivation of voting rights entailed infringement of rights and freedoms, including the right to life. By depriving the Bolshevik-Stalinist government of voting rights, it was possible to limit on a legal basis politically active peasants who opposed the collective farm system or did not express their sympathy for it. *Conclusions.* In 1918-1936, the mechanism of extrajudicial deprivation of political electoral rights of citizens of the Soviet state, including the cities of Kazakhstan, made it possible to remove them from the organizational and legal form. Deprivation of voting rights made it possible to neutralize a significant part of the population, made it possible to gradually introduce a policy of forceful resolution of governance issues in the region, and ultimately created the conditions for the use of repressive measures against the population of Kazakhstan.

**Keywords:** political repression, deprivation of voting rights, disenfranchised, legal status, adaptation, cities of Kazakhstan

**Введение.** В контексте изучения политических репрессий 1920-1930-х годов в Казахстане большой интерес вопрос появления маргинальной части населения – лишенцев. Одним из методов борьбы с «классовым врагом», который тоталитарный режим, установленный в Советском Союзе, систематически применял на протяжении многих лет в рамках своей репрессивной политики против собственного народа, была политика лишения политических и гражданских прав по классовому, социальному, национальному, духовному и другим признакам, выражавшаяся в ограничении их прав и свобод. Эта жестокая идея, основанная на разделении населения Союза на классы, появилась у советского руководства вскоре после Октябрьской революции 1917 года, а в июле 1918 года – лишение права голоса за принадлежность к определенному классу или социальной группе было закреплено в специальной статье первой Конституции РСФСР. Эта норма сохранялась до середины 1930-х годов.

Характерным явлением общественно-политической жизни Казахстана 1920 – первой половины 1930-х гг. становится появление лишенцев – людей, лишенных избирательных и других гражданских прав вследствие своего неблагонадежного социального происхождения. Такие люди находились в особом положении, так как «лишенцам» был закрыт путь в профсоюзы, на государственную службу, что распространялось на их детей и родственников. Одной из форм определения «своего» или «чужого» являлась, бесспорно, процедура лишения избирательных прав. В архивах хранятся образцы советской анкеты, заполнявшейся при приеме на работу, которая неизменно содержала вопрос: «Лишались ли права голоса, когда и за что?», а по обозначению данных лиц существовал определенный термин «лишенец» или «социально чуждый элемент» – неофициальное название гражданина СССР, в 1918–1936 гг. лишенного избирательных прав согласно Конституциям 1918 и 1926 гг. Согласно Конституции 1936 года, все граждане страны, кроме душевнобольных и заключенных, имели одинаковое

избирательное право. Таким образом, лишение избирательных прав длилось 18 лет. Эта мера стала эффективным средством изменения социальной структуры общества и государства. Лишение права участвовать в выборах автоматически создавало ряд ограничений политического и социального статуса человека. Люди, лишённые избирательного права (лишённые избирательных прав), стали гражданами «второго сорта». Зачастую (хотя и не всегда) лишение избирательных прав становилось основанием для дальнейших репрессивных действий в отношении данного человека.

**Материалы и методы.** Правовую основу для проведения репрессивной политики по лишению избирательных и других гражданских прав в Казахстане в 20-30-х гг. XX века заложили около 40 нормативно-правовых актов. Анализ содержания этих документов показал, что они системно нарушали естественные права и свободы человека и гражданина, к которым относится право на жизнь, право свободно выражать свои взгляды и позиции, право на свободу избирать и быть избранным, и поэтому должны быть признаны недействительными (ничтожными) с момента их принятия. Неправовое лишение избирательного права было закреплено в основных нормативных актах – в Конституции РСФСР 1918 г., Конституции РСФСР 1925 г., Конституции КазАССР 1926 г. Все производные акты лишь дублировали конституционные нормы.

Мера по лишению избирательных прав стала эффективным средством изменения социальной структуры общества и государства. Лишение права участвовать в выборах автоматически создавало ряд ограничений политического и социального статуса человека. Люди, лишённые избирательных прав, стали гражданами «второго сорта». Зачастую лишение избирательных прав становилось основанием для дальнейших репрессивных действий в отношении данного человека. Именно социальное происхождение легло в основу чистки партийных рядов и определяло «благонадежность» того или иного человека. Таким образом, членов партии и все население проверяли на предмет соответствия предъявляемым к ним требованиям.

Более того, в начале 1920-х гг., когда политика в отношении лишенцев только начинала осуществляться, местные исполнительные власти прибегали к лишению избирательных прав как к дополнительной мере. Постепенно укрепляя свою власть, большевики опасались возможной победы политических противников на выборах и дальнейшего своего влияния в обществе. Суть лишения людей избирательных прав выражалась в обеспечении социального, экономического, административного и даже психологического давления на наиболее социально независимые от государства и экономически активные слои населения. Впоследствии правительство расширило список дополнительных ограничений, сопровождающих лишение избирательных прав в различных сферах общественной жизни. Поэтому можно с уверенностью сказать, что лишенцы также попадают в категорию жертв политических репрессий, нуждающихся в реабилитации и детальном научном изучении (Тулбасиева, 2023).

В Казахстане в первую очередь лишались прав священнослужители, бывшие торговцы, государственные чиновники, начавшие свою деятельность в дореволюционное время, а также большой пласт представителей крестьянства, применявшего в своем хозяйстве наёмный труд, которые относились к категории баев, кулаков, полуфеодалов (середняков), шаруа. Выявленные «чуждые элементы» без суда и следствия, чаще всего, по доносам, лишались прав и отстранялись от производства. В свою очередь, лишенцы для восстановления нарушенных прав обращались к партии с просьбой пересмотреть их дела, собирая всевозможные справки о прежней деятельности, подозревая, что произошла какая-то ошибка. Так начинались долгие процессы разбирательств, жалоб и новых доносов, редко приводящие к положительному результату.

**Обсуждение.** Данная категория граждан, подвергшаяся репрессиям, является малоизученной. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» не рассматривает лишение избирательных прав как форму политических репрессий (О реабилитации, 1993). Следовательно, они нуждаются в дополнительных мерах по

реабилитации. Бытует мнение, что это незначительное ущемление прав и свобод, однако это не так. Лишение избирательных прав влекло за собой ущемление прав и свобод, включая право на жизнь. Путем лишения избирательных прав большевистско-сталинской власти удавалось ограничить на правовой основе политически активных крестьян, выступавших против колхозного строя, либо не выражавших своё сочувствие к нему.

Между тем, граждане, лишённые избирательных прав, наряду с другими потерпевшими должны быть полностью реабилитированы. Поэтому важным аспектом одним из направлений деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, созданной в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан К.К. Токаева № 456 от 24 ноября 2020 г., является реабилитация лиц, пострадавших в результате лишения граждан права избирать и быть избранными в 20-е и 30-е гг. XX в. Для реабилитации этой группы жертв и пострадавших сбором материалов в этом направлении занимались ученые и эксперты научно-исследовательских групп и рабочих групп региональных комиссий.

Однако необходимо отметить, что лишение избирательных прав в 20-30-х XX в. в Казахстане в отечественной историографии не выступало предметом отдельного исследования, а изучалось в контексте политических репрессий, что стало одним из ведущих научных направлений в современной исторической науке. В трудах казахстанских ученых М.К. Козыбаева (Козыбаев, 2006), Т.О. Омарбекова (Омарбеков Т, 1997), Ж.Б. Абылхожина (Абылхожин, 1991), М.К. Койгельдиева (Койгелдиев, 2004), С.О. Смагуловой (Смағұлова, 2019) поднимались различные аспекты политических репрессий как механизма воздействия советской власти на трансформацию казахского общества. Изучению демографических последствий репрессивной политики посвящены труды исследователей А.Н. Алексеенко (Алексеенко, 1993), М.Х. Асылбекова (Асылбеков, 1991), А.Б. Галиева (Асылбеков, Галиев, 1991) и других. Региональным аспектам социально-политического положения лишенцев в 1920-1930-е годы посвящены работы Ш. Нагимова (Нагимов, 2021), М.М. Козыбаевой (Козыбаева, 2014) и С.К. Тульбасиевой (Тулбасиева, 2023). Однако специальные научные работы казахстанских авторов, посвященных комплексному изучению лишения избирательных прав в Казахстане в 20-30-х XX в. практически отсутствуют.

В российской и европейской историографии в большинстве работ лишение избирательных прав рассматривается в качестве самостоятельного феномена, преимущественно, как часть дискриминационной и социальной политики советского государства. Большое значение имеют работы, посвященные изучению стратификации советского общества. Так, исследование Н.Б. Лебиной посвящено изучению повседневной истории жизни советского города, а именно нормам и аномалиям в 1920-1930 годы, к которым можно отнести расслоение общества на «своих» и «чужих» (Лебина, 1999). Большой вклад в изучение советского общества во всем его многообразии внесли американские исследователи, в том числе Ш. Фицпатрик, которая впервые провела комплексный анализ повседневности советских людей 1930-х гг., в том числе и так называемых лишенцев (Fitzpatrick, 1999; Фицпатрик, 2008).

Наиболее изучены процессы лишения избирательных прав на материалах отдельных регионов. Так, большой вклад в историографию внесли работы Л.Н. Мазур (Мазур, 1997), посвященные лишению избирательных прав крестьян в 1920-е – первой половине 1930-х гг. на Урале, а также коллективная работа В.И. Тихонова, В.С. Тяжелниковой, И.Ф. Юшина (Тихонов и др., 1999), изучавших лишение избирательных прав в Москве на основе новых архивных материалов и методов их обработки. Большой вклад в изучение данной тематики внесла М.С. Саламатова, диссертационная работа которой посвящена изучению лишения избирательных прав как формы социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг. на материалах Западной Сибири (Саламатова, 2002). В работе она проводит анализ нормативных актов и архивных документов,

показывает, что лишение избирательных прав являлось одним из ключевых институтов советского избирательного права.

В коллективной работе новосибирских авторов Ю.И. Голикова, С. А. Красильникова, В.И. Пинкина, М.С. Саламатовой и других впервые в российской историографии предпринят анализ становления и эволюции основных маргинальных групп российского общества, составлявших «теневую» структуру последнего: «лишенцев», нэпманов, «буржуазных спецов», ссыльных, спецпереселенцев (Маргиналы в социуме, 2017). Работа написана на основе широкого круга источников, которые позволили реконструировать базовые характеристики, определившие социальную политику сталинского режима в отношении названных групп, динамику численности и состава, трансформацию поведения и групповых ценностей маргиналов в условиях Сибири 1920–1930-х гг.

Тема лишения избирательных прав занимает особое место и в публицистике. В этом плане большой интерес представляют работы А. Бабия, который в процессе подготовки Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края проработал тысячи дел лишенных избирательных прав в районных архивах, выявил много интересных документов (Бабий, 2019). В своих публикациях он подчеркивает, что, несмотря на то, что закон не считает их репрессированными, на самом деле множество судеб было поломано из-за того, что семью лишили избирательных прав.

Таким образом, в историографии лишение избирательных прав в 20-30-х гг. XX в. на материалах советских республик остается малоизученным исследовательским вопросом, который требует своего тщательного изучения. В целом, по вышеприведенным материалам видно, что политические чистки, основанные на лишении избирательных и других гражданских прав, имели место и в отдаленных регионах Советского Союза. Однако изучение данной политики в Казахстане в 20-30-х гг. XX в. как способа воздействия на общественные установки и способы поведения отдельных людей и социальных групп имеют свою перспективу и ждут своего исследования в рамках изучения истории политических репрессий в Казахстане.

**Результаты исследования.** Большевистско-сталинская власть, основанная на абсолютизированном классовом подходе, вызвала ещё большее обострение идейных противоречий между различными социальными классами и группами населения. Между социальными группами появилось чувство взаимной неприязни, усилилось настроение враждебности друг к другу, что привело к падению нравственности в обществе, кризису национальных и религиозных ценностей. Навязывалась вера в идеи, лозунги и теорию социализма. Всеми имеющимися методами и средствами в сознание широких народных масс внедрялись идеи марксизма-ленинизма. Ограничивая интеллектуальную деятельность и свободу творчества, официальная коммунистическая идеология создавала информационный вакуум. В целях идеологического давления в обществе искусственно создавались образы «кулака», «врага народа», «вредителя» (Документы свидетельствуют, 1989).

Говоря о разных категориях населения, подвергшихся дискриминации, политическим репрессиям, нельзя забывать о людях, лишенных гражданских прав за «неправильное» или «неподходящее» социальное происхождение. Надо полагать, что работа в районных архивах с фондами лишенных избирательных прав даст возможность выявления помимо основного материала – списков, так называемых, лишенцев по районам, документов, свидетельствующих о разных сторонах жизни и судьбах этих людей, о тех последствиях, которые имело для них лишение избирательных прав и «раскулачивание». Именно эти документы низового уровня – из сельсоветов и райисполкомов могут прояснить многие вопросы. Районные фонды лишенных избирательных прав несправедливо обойдены историками. Между тем, заслуживает внимания сама процедура раскулачивания, «кухня», которую как раз такого рода документы позволят рассмотреть подробно.

В 1923-1927 гг. категорий включенных в список лишенных избирательных прав людей в Казахстане было гораздо шире и разнообразнее, чем на других территориях Советского Союза. В Казахстане, в первую очередь, лишались прав баи, кулаки, участники народных восстаний и протестов, священнослужители, бывшие торговцы, царские чиновники, начавшие свою деятельность в дореволюционное время. С учетом этого обстоятельства, в период с 1918 г. до 1936 гг. в Казахстане были лишены избирательного права сотни тысяч человек за принадлежность к определенному классу или социальной группе, что было закреплено в особой статье Конституции 1918 г. Говоря об этом, важно понимать и помнить, что лишение гражданских прав граждан – это прелюдия к большому террору, организованному Советским государством против своего народа.

Рассмотрение практики лишения избирательных прав в 1920-30 годов в его качественном и количественном содержании было бы неполным без учета выборных кампаний, в рамках которых они проводились. Как показывают данные документов с 1923 по 1934, ежегодно при выборах в местные советы составлялись списки лишенных избирательных прав, преследуемых советской властью. До середины 1920-х гг. учет лиц, лишенных избирательных прав, представлял собой сводные списки с указанием персональных данных и причины лишения. Обычно подобные списки велись в виде таблиц по категориям лишенных избирательных прав. Такие списки часто сопровождалось заявлениями «лишенцев» на восстановление прав, переписками по поводу их восстановления. С 1926 г. основой персонального учета, как избирателей, так и лишенцев являлись опросные карточки, которые рассматривались избирательными комиссиями для составления двух групп списка избирателей и списка «лишенцев» (Тулбасиева, 2023: 1-12.).

Списки лишенцев составлялись, рассматривались и утверждались избирательными комиссиями, исполкомами всех уровней. Отдельные органы, в том числе и суды, административные отделы, составляли их в пределах своей компетенции. Окончательный список по губернии утверждался президиумом губернского исполкома после многих правок и изменений. В основном, списки содержали информацию о лицах, подлежащих лишению избирательных прав по закону практически в беспорядочном порядке. Большие споры при лишении прав вызывало ошибочное включение торговцев и лиц, использующих наемный труд, поэтому было больше всего обжалований. Поэтому часто такие списки сопровождалось заявлениями «лишенцев на восстановление прав, переписками по поводу их восстановления.

Так, например, в сентябре 1924 г. в Актюбинский губизбирком был направлен список лишенных избирательных прав по Темирскому уезду, составленный в связи с выборами 1923 года включающий 924 фамилии, среди которых были торговцы, муллы, кулаки, бывшие офицеры, священники, проповедники и т.д. (ГААО, 40: 20-31). Сейчас трудно понять, какая борьба и столкновение интересов шли на самом низу – в сельских, аульных, волостных Советах и исполкомах, где составлялись первичные списки, поскольку по этим спискам было много жалоб, обсуждений, изменений самих списков. Архивы сохранили несколько заявлений лишенных избирательных прав по Темирскому уезду Актюбинской губернии на восстановление прав и еще ряд связанных с этих документов. Как видно из многих подобных документов, факты, излагаемые в таких заявлениях, тщательно проверялись, и многих восстанавливали в избирательных правах (ГААО, 40: 32-39 об.).

Большой интерес представляют списки лишенных избирательных прав в 1924-1925 гг., подготовленные Актюбинским губернским судом и губернским административным отделом. В 1925 г. Актюбинским губернским судом были составлены списки осужденных и пораженных в избирательных правах отдельно по казахскому и русскому отделению уголовной Коллегии губсуда за 1924-1925 гг. на 80 человек (ГААО, 60: 53-67). Список лиц, подлежащих лишению избирательных прав, по состоянию на ноябрь 1925 г.,

составленный Актюбинским губадмотделом, включал 78 фамилий (ГААО, 60: 84-85). В подавляющем большинстве в списке были представлены административно ссыльные, а также несколько бывших белых офицеров и осужденных. Список лиц, лишенных избирательных прав на основании ст. 65 Конституции по казахским населенным пунктам в 1925 г. включал 630 фамилий, из которых 494 человека – это имамы, муллы, хазрет-муллы, муазины (муэздины), мухтасибы и т.д. (ГААО, 60: 85 об. – 94 об.). Помимо этого, в списке значились бывшие полицейские, жандармы и чиновники ряда категорий (управители, старшины и пр.). Список лиц, лишенных избирательных прав на основании ст. 65 Конституции по русским населенным пунктам, составленный 20 ноября 1925 г. включал 212 фамилий (ГААО, 60: 95-98). В этом списке тоже много священнослужителей, но в основном, кулаки, т.е. лица, использующие наемный труд.

Священнослужители разного рода подлежали лишению прав только в случае, если эта деятельность была источником их существования, т.е. жили на эти средства. Со временем количество лишенных избирательных прав резко возрастает. По данным исследователя У. Исмагулова, в 1926 г. только по Актюбинскому уезду число лишенных избирательных прав составило уже 1 029 человек, в 1927 г. – 4 788 человек. При этом 40 % из этого числа составляли члены семей, лишенных избирательных прав. Например, в 1926 г. только по Челкарскому уезду и по г. Челкару числилось 619 лишенных избирательных прав, что составило 0,75% от всего населения (ГААО, 101: 7-22). Процедура лишения избирательных прав с удвоенной силой продолжилась в регионе и в 1928-1929 гг., когда избирательных прав в сельской местности лишились 8 748 человек. Из них в городе Актобе – 1 391, в городе Челкаре – 436, в городе Темире – 270, всего 10 845 человек. При этом, в казахских районах, например, в Темирском и Челкарском, лишались избирательных прав в основном служители мечетей, в Карабутацком – суфии и другие духовные лица. Против этой акции в некоторых местах, в частности в Акбулакском, Елекском, Новороссийском и Аккемерском районах, произошли открытые протесты лиц, лишенных избирательных прав (Бесправная жизнь, 2023).

Аналогичная практика имела место и в других регионах Казахстана. Например, только по Федоровскому уезду Кустанайской губернии в период с 1923 по 1925 гг. в списки лишенных права избирать и быть избранными в местные сельские советы было включено 527 человек, в том числе так называемые спекулянты, торговцы, бывшие офицеры, агитаторы против советской власти, служители религиозных культов, подсудимые и т.д. (ГАКО, 188; ГАКО, 362).

В Акмолинской губернии по итогам избирательной кампании в 1925-1926 гг. количество лишенных избирательных прав в сельских местностях составило 3240 человек или 0,6 % от количества лиц свыше 18 лет, то в 1926-1927 гг. количество лишенных избирательных прав составило 21633 человек, или 3,3% совершеннолетнего населения. По категориям, если в 1925-1926 гг. в сельской местности в основном лишались прав служители религиозных культов – 817 человек или 25 % к общему числу лишенцев, то в 1926-1927 гг. лишались прав лица, прибегающие к наемному труду, к которым относились все слои крестьянства – баи, кулаки, баи-полуфеодалы – 10999 человек или 51,8% (ЦГА РК, 93: 63-65, 88). В городах, по сравнению с сельской местностью, количество лишенных избирательных прав в Акмолинской губернии по итогам избирательной кампании в 1925-1926 гг. составило только 1371 человек, а в 1926–1927 гг. – 3523 человека. При этом, если в 1925–1926 гг. в городах в основном лишали прав служителей религиозных культов – 1246 человек или 90,9%, то в 1926 – 1927 гг. большое количество лишенцев наравне со служителями религиозных культов – 1591 человек или 45,1% приходилось на категорию членов семей в возрасте от 18 лет, живущих на иждивении лиц, лишенных прав – 1445 человек или 41,0% (ЦГА РК, 93: 63-65, 88).

Особенно показателен рост лишенцев в рамках одного населенного пункта в период усиления репрессивной политики местных органов власти, которые вольно интерпретируя инструкции о выборах городских и сельских Советов, расширяли и дополняли категории

лишенцев, и тем самым усиливающих репрессивную политику, существенно увеличивая круг граждан, ущемленных в правах. Если в декабре 1926 г. список лиц лишённых избирательных прав по городу Акмолинску по 9 аулсоветам составлял 117 человек (ГАГА, 15: 3-7 об.), то в декабре 1930 г. список лиц лишённых избирательных прав постановлением Горизбиркома по городу Акмолинску на 1931 г., опубликованный в газете «Новая степь», включал уже 1546 человек по 8 основным категориям (Новая степь, 1930). Среди них: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; торговцы, посредники; духовенство; агенты бывшей полиции и жандармерии; умалишённые, подопечные; члены семей, находящиеся на иждивении лиц, лишённых избирательных прав и т.д.

По данным исследователя С.К. Тулбасиевой, в 1928 г. в списки лишённых по округам города Алма-Аты было включено более 3000 человек, в том числе лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, торговцы и посредники, служащие религиозных культов и монахи, агенты бывшей полиции и жандармерии, лица не старше 18 лет, находившихся на иждивении, лиц лишённых избирательных прав (Тулбасиева, 2023: 2). Только в архиве г. Алматы С.К. Тулбасиева выявила общее количество личных дел на 2378 человек – лиц, лишённых избирательных прав по городу Алматы и его 23-м районам. Подавляющее большинство из них не имело отношения ни к классовым врагам, ни к политическим противникам советской власти. Поэтому практическое применение лишения прав показывает, что оно было направлено на наиболее зажиточные слои общества, такие как торговцы, священнослужители, предприниматели, бывшие военные, также преследовались и лишались прав их потомки (Тулбасиева, 2023: 3).

По данным Атырауской областной региональной комиссии, местная власть пошла намного дальше центра в определении граждан с целью лишения их гражданских и политических прав. В результате самонадеянности местных чиновников в 1927 г. избирательного права лишились десятки тысяч человек по 30 категориям населения (Государственный архив Атырауской области (ГААТО, 6: 23). В 1928 г. лишение избирательных прав коснулось 5400 человек, по таким категориям как кулаки, аткаминеры, бай-эксплуататоры, скотоводы, люди, живущие на трудовые доходы, бывшие офицеры, бывшие старшины, шаманы, шептуны, муллы, люди не вызывающие доверия, попы, алаш-ординцы и другие (ГААТО, 6: 32).

По данным исследователя Ш. Нагимова, в 1927 г. в списки лишённых по Гурьевскому уезду попали 2307 человек. Среди них были 284 мулла, 329 кулаков-эксплуататоров, 16 священников, 25 волостных управителей, 3 владельца мельниц, 22 торговца, 23 баксы, 103 монаха, 7 колдунов и т.д. Унижения и лишения терпели не только сами лишённые, но и ни в чем не повинные члены их семей. Всего по области избирательных прав лишился 1801 иждивенец, что составляет 50,2%. В этом отношении не слаще было служителям культа, баям-эксплуататорам и кулакам-аткаминерам. От общего числа лишённых избирательных прав первые составляли 20,4%, вторые – 3,6%, третьи – 9,5% (Нагимов, 2021).

В 1928 г. Кзыл-Ординский городской совет представил список лиц лишённых прав избирать и быть избранными согласно Конституции и инструкции выборов, в котором были представлены сведения на 205 человек, в том числе бывших белых офицеров, административно-ссыльных, служителей религиозных культов, членов семей, состоящих на иждивении лишенцев, душевнобольных и умалишённых. По городу Казалинску в 1928 г. было лишено избирательных прав 666 человек, в том числе 487 торговцев и посредников, 76 осужденных судом и административно-высланных, 49 человек – членов семей в возрасте до 18 лет, находящихся на иждивении лиц, лишённых избирательных прав, 25 человек – агентов, бывших полицейских и жандармов, 13 человек – служащих религиозных культов, 11 человек – лиц прибегающих к наёмному труду и т.д. (КОГА, 15:

257). В аулах Кзыл-Ординского района в 1930-1931 гг. были лишены избирательных прав 484 человека (КОГА, 125).

Следует отметить, что лишение избирательного права отнюдь не являлось простой формальностью, поскольку вместе с ним человек терял и другие гражданско-политические права, а также возможности пользоваться социальными благами. «Лишенцев» не брали на работу в колхозы, они не могли стать членами кооператива и артели, при налогообложении с них «снимали» больше процентов либо полагалось «твердое задание». При этом кроме колхозов не было других объединений, где можно было найти работу в те трудные 1930-е гг. После введения карточной системы «лишенцы» получали продуктовые карточки низшей категории либо вообще их лишались и были вынуждены покупать продукты по коммерческим ценам. Их также лишали пенсий и пособий по безработице, выселяли из коммунальных квартир. Оставшись без крова и пищи, эта большая категория граждан погибала от холода и голода (Нагимов, 2021).

Лишенные избирательных прав граждане тоже подлежали призыву, но не в армию, а тыловое ополчение, где им поручалось выполнение только хозяйственных задач. Им не полагалось оружие, что было закреплено в личном деле формулировкой, что он лишен права защиты СССР с оружием в руках и в выдаче свидетельств обязанного службой в тыловом ополчении. Свидетельство таких тыловых ополченцев было белого цвета, отсюда пошло понятие «белобилетник», которое в наши дни приобрело совсем другой смысл. В свою очередь, «тылоополчение» было преобразовано в 1937 г. в строительные части Красной Армии, иначе говоря «стройбат» (Бабий, 2019).

Лишение избирательных прав влекло за собой ощутимые последствия практического характера. Фактически ограничения в правах касались не только права избирать и быть избранным. Лишенцы не могли получить высшее образование, не имели возможности занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном, не имели право получать пенсию и пособие по безработице. Им не позволялось вступать в профсоюзы, в то же время не члены профсоюза не допускались в руководство промышленных предприятий и организаций. Лишенцам не выдавались продуктовые карточки, либо же выдавались по самой низшей категории, поэтому они были вынуждены покупать продукты по высоким ценам.

Рассмотрим данное явление на примере г. Акмолинска. В городском архиве г. Астаны имеется дело гражданина А., лишенного избирательного права. Здесь гражданин А., на октябрь 1928 г. работавший бухгалтером-экономистом при Акмолинском Окружном отделе местного хозяйства, собрал целый список различных справок и материалов, говорящих о незаконном лишении его избирательных прав. В своем заявлении он приводит сведения о своем рабочем стаже в качестве бухгалтера в различных учреждениях, обращая внимание, что постоянно был наемным работником. Он обращает внимание на незаконное исключение его из рядов членов профсоюза «Транспортников», основываясь на «Разъяснении ВЦСПС от 19 февраля 1927 г. № 30 о членах союзов, лишенных избирательных прав», согласно которому «...в отношении лиц, лишенных избирательных прав, профорганизации не должны применять никаких мер воздействия, в том числе не должны требовать снятия их с работы» (ГАГА, 18: 2). Несмотря на приведенные факты, ходатайство было отклонено, со ссылкой на действия профсоюза, на которую которого «имели право только активные и лояльно настроенные к соввласти члены профсоюзов из числа бывших торговцев», о чем имелась выписка из протокола № 6 заседания Акмолинской окружной избирательной комиссии от 2 февраля 1929 г. № 2 (ГАГА, 18: 1). Таким образом, лишенец попадал в замкнутый круг: его исключали из профсоюза и увольняли с работы, так как был лишен избирательных прав, а восстановить в правах не могли из-за исключения из профсоюза.

Большой интерес представляют личные дела «лишенцев избирательных прав», которые были выявлены исследователями в центральных и региональных архивах страны. В них содержатся жалобы граждан на неправомерное изъятие имущества и лишение

избирательных прав, протоколы заседаний городской избирательной комиссии о лицах, лишенных избирательных прав, а также исторические данные, дающие характеристику основных видов деятельности социальных категорий, связанных с лишением политических прав. Как показал анализ личных дел лишенцев, лишению избирательных прав подвергались не только непосредственно служители религиозных культов, но и обычные наемные сотрудники при религиозных учреждениях. Так, ходатайство гражданина А.Г. о восстановлении в избирательных правах в Акмолинский городской совет рабочих крестьянских и красноармейских депутатов Акмолинского округа было отклонено «как служителю религиозного культа», несмотря на то, что ему в сентябре 1931 г. была выдана справка Мечетсоветом № 2 мечети города Акмолинска, о том, что он работал при мечети с 1917 г. по 1 мая 1931 г. в качестве сторожа и исполнял исключительно технические работы по найму (ГАГА, 23:2).

Лишение избирательных прав разрушительно сказывалось на семье, поскольку избирательных прав лишался не только глава семьи, но и все ее члены, достигшие совершеннолетия. У детей лишенцев были проблемы с поступлением в учебные заведения (особенно высшие) и с устройством на работу. Фактически лишенцы стали «токсичной» группой населения, с которой опасались иметь дело. Сын лишенца, достигнув совершеннолетия, и сам автоматически становился лишенцем. Поэтому дети лишенцев, для того, чтобы иметь возможность учиться и сделать карьеру, отказывались от родителей, часто публично, через газету.

С лишением избирательных прав связаны процессы по чистке школ и всей системы образования от чуждых элементов. В ответ на призыв партии проводить массовые чистки, как среди учительства, так и среди учеников, местным руководством на основе проверок трудовых биографий, начали составляться списки, подлежащих отчислению. В свою очередь в школьные организации поступали письма учеников, отчаянно пытавшихся спасти свою репутацию и доброе имя родителей, и поэтому занявшихся изучением биографии своих родителей. Это было особенно парадоксально после призывов партии о ликвидации безграмотности. Теперь же ученикам не давалась возможность данное обучение завершить в связи с неблагоприятным прошлым родителей.

Так, большой интерес для изучения представляют заявления школьников и их родителей, полные отчаяния. Например, заявление в школьную комиссию села Киевского Революционной волости ученицы Н.Т.: «Отец лишенный. Я желаю учиться. Не откажите мою просьбу» (К.М. – орфография сохранена). Виза на документе – исключить (ГАГА, 3: 2). Другим примером является письмо гражданина П.А. в педагогический совет Буденовской семилетней школы от 2 февраля 1929 г., в котором он просил не исключать из школы его дочь как чуждый элемент, поскольку он «ни торговцем, ни эксплуататором никогда не был, на нетрудовые доходы не жил», а постановление о лишении его избирательных прав обжаловал в вышестоящие органы, но пока ни утвердительного, ни отрицательного ответа не получил. Однако на заявлении также стояла виза подобная первой: «Исключить как дочь чуждого элемента (служащего бывшей полиции)» (ГАГА, 3: 50).

По общей установке были проверены и учителя. Например, в сентябре 1928 г. в городе Акмолинске была создана специальная комиссия по проверке состава учительства на предмет выявления их социального происхождения и их отношения к советской власти, которая выносила решения по так называемым чуждым элементам советской власти, участникам контрреволюционного движения (ГАГА, 23: 110). При этом основные установки по проведению чистки в регионе были следующие: «В данное время Вам необходимо повести подготовительную работу к чистке аппарата, которая должна заключаться в выявлении чуждого элемента, который подлежит чистке, и подготовке работников, могущих заменить этих работников» (ГАГА, 23: 33).

Одно из секретных писем от марта 1930 г. в управление по образованию содержит следующий донос: «Кадр просвещенцев у нас сильно еще засорен социально-чуждыми

людьми. Вот, например, в селе Приреченском революционного района работают две учительницы. Одна них дочь бывшего белого офицера Волосникова и другая дочь заядлого кулака г. Акмолинска А., отец которой нынче осужден за агитацию, сидел в ИТД. Обе учительницы ведут агитацию о том, что в округе ни у кого нет хлеба, и что в Акмолинске уже много семей вымерло с голоду. К соввласти настроены так же враждебно. В селе никакого участия в общественной работе не принимают» (ГАГА, 1: 67). Данные материалы были проверены и был подтвержден факт о том, что «учительница А. держит тесную связь с кулачеством, ведет агитацию по отношению голодовки, настроение последней контрреволюционное» (ГАГА, 1: 73). Такая тенденция всеобщего недоверия и предлседования за инакомыслие получит свое развитие в годы массовых репрессий. Долгое время потомки репрессированных будут лишены права получения достойного образования вследствие своего неблагонадежного происхождения.

В 1929-1930 гг. была проведена «чистка» с целью удаления из государственных учреждений обездоленных и других «социально чужих» людей. Обделенные люди не имели возможности «занимать ответственные должности, а также быть заседателями, поручителями, попечителями в народном суде». Они лишились права на получение пенсий и пособий по безработице. Лишенным избирательного права не разрешалось вступать в профсоюзы и в то же время им не разрешалось руководить предприятиями, учреждениями и организациями. Лишенцам продовольственные карточки выдавались только по низшей категории. Напротив, налоги и другие выплаты для неимущих были существенно выше, чем для остальных граждан. В свою очередь, лишенцы, обращались к партии с просьбой пересмотреть их дела, собирая всевозможные справки о прежней деятельности, подозревая, что произошла какая-то ошибка. Так начинались долгие процессы разбирательств, жалоб и новых доносов, редко приводящие к положительному результату.

**Выводы.** Лишение избирательных прав являлось бы само по себе не такой уж большой помехой в жизни, если бы не влекло за собой ощутимых последствий практического характера. Фактически ограничения в правах касались не только права избирать и быть избранным. Лишенцы не могли получить высшее образование, не имели возможности занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном, не имели право получать пенсию и пособие по безработице. Им не позволялось вступать в профсоюзы, в то же время не члены профсоюза не допускались в руководство промышленных предприятий и организаций. Лишенцам не выдавались продуктовые карточки, либо же выдавались по самой низшей категории.

Таким образом, в 1918-1936 гг. механизм внесудебного лишения политических избирательных прав граждан советского государства, в том числе и в Казахстане, позволил вывести их из организационно-правовой формы. Лишение избирательных прав позволило нейтрализовать значительную часть населения казахской степи, сделало возможным постепенного введения политики силового решения вопросов управления в регионе и в конечном итоге создало условия для применения репрессивных мер по отношению к населению Казахстана. В целом, по вышеприведенным материалам видно, что политические чистки имели место и в отдаленных регионах Советского Союза. Изучение данной политики как способ воздействия на общественные установки и способы поведения отдельных людей и социальных групп имеют свою перспективу и ждут своего исследования в рамках изучения истории политических репрессий в Казахстане.

#### **Список литературы и источников:**

Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. 336 p.

Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации, 1920-1930 гг. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 240 с.

- Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. Алматы: Ғылым, 1993. 126 с.
- Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алматы, 1991. 288 с.
- Бесправная жизнь. // Актюбинский вестник. 2023. 30 мая. // <https://avestnik.kz/bespravnaya-zhizn/>
- Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
- Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 40. Л. 20-31.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 40. Л. 32-39 об.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Л. 53-67.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Л. 84-85.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Л. 85 об. – 94 об.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 60. Л. 95-98.
- ГААО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 101. Л. 7-22.
- Государственный архив Костанайской области (ГАКО). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 188, ГАКО. Ф. Р-72. Оп.1. Д. 362
- Государственный архив г. Астаны (ГАГА). Ф. 244. Оп. 2. Д. 15. Л. 3-7 об.
- ГАГА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 18. Л. 2.
- ГАГА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 18. Л. 1.
- ГАГА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.
- ГАГА. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.
- ГАГА. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 50.
- ГАГА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 23. Л. 110.
- ГАГА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 23. Л. 33.
- ГАГА. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. Л. 67.
- ГАГА. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. Л. 73.
- Государственный архив Атырауской области (ГААтО). Ф. 2. Д. 6. С. 23
- ГААтО. Ф. 2. Оп. 4. Д. Л. 32.
- Кзылординский областной государственный архив (КОГА). Ф. 2. Оп. 2. Д. 15. Л. 257.
- КОГА. Ф. 24. Оп. 2. Д. 125.
- Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. Алма-Ата, 2006. 272 с.
- Козыбаева М.М. «Социально чуждые элементы» в повседневной жизни городского населения Северного Казахстана во второй половине 1920-х годов // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 3 (100). Ч. 1. С. 261-266.
- Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3(7). Сыктывкар, 2011. С.81-85.
- Қойгелдиев М.Қ. Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XVIII–XX ғғ.). Зерттеулер. Алматы, 2004. 400 б.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930–е годы. СПб, 1999. 382 с.
- Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е первой половине 30-х годов // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.) Ниж.Тагил, 1997. С. 105-118.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы) / [Ю.И. Голиков, С.А. Красильников, В.И. Пинкин и др.; отв. ред. С.А. Красильников]. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 600 с.
- Нагимов Ш. Лишенцы – изгои тоталитарного прошлого // Прикаспийская коммуна. – 2021, 28 мая // [https:// pricom.kz/ istoriya-2/lishency-izgoi-totalitarnogo-proshlogo](https://pricom.kz/istoriya-2/lishency-izgoi-totalitarnogo-proshlogo).
- Новая степь. 1930. № 117 (194), 118, 23 декабря.

Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 б.

Саламатова М.С. Избирательная система Советской России 1918–1936 гг.: новые интерпретации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1535–1542.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М.: Мосгорархив, 1999. 255 с.

Тулбасиева С.К. Лишение избирательных прав в Казахстане 1920-30-х гг. XX века (на примере города Алма-Ата) // Genesis: исторические исследования. 2023. № 3. С. 1-12.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 5. Оп. 8. Д. 93. Л. 63-65, 88

ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 8. Д. 93. Л. 63-65, 88

## References

Abylkhozhin Zh.B. Tradicionnaya struktura Kazahstana: Socialno-ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformacii, 1920-1930 gg. [Traditional structure of Kazakhstan: Socio-economic aspects of functioning and transformation, 1920-1930]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 240 p. (In Russ.).

Alekseenko A.N. Naselenie Kazahstana. 1920-1990 gg. [Population of Kazakhstan. 1920-1990]. Almaty: Gylym, 1993. 126 p. (In Russ.).

Assylbekov M.Kh., Galiyev A.B. Socialno-demograficheskie processy v Kazahstane (1917–1980 gg.) [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)]. Almaty, 1991. 288 p. (In Russ.).

Bespravnaya zhizn [Disenfranchised life] // Aktyubinskij vestnik. 2023. May 30. // <https://avestnik.kz/bespravnaya-zhizn/> (In Russ.).

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 5. In. 8. C. 93. L. 63-65, 88

CSA RK. F. 5. In. 8. C. 93. L. 63-65, 88

Dokumenty svidetelstvuyut: iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii 1927-1932 gg. [Documents testify: from the history of the village on the eve and during collectivization of 1927-1932]. M.: Politizdat, 1989. 526 p. (In Russ.).

Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. 336 p. (In Eng.).

Koigeldiev M.K. Ulttig sayasy elita. Qizmeti men tagdiry (XVIII–XX gg.). Zerttewler. [National political elite. Service and fate (XVIII-XX centuries). Studies] Almaty, 2004. 400 b. (In Kaz.).

Kozybayev M.K. Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazahstana [Problems of methodology, historiography and source study of the history of Kazakhstan]. Alma-Ata, 2006. 272 p. (In Russ.).

Kozybayeva M.M. «Socialno chuzhdye elementy» v povsednevnoj zhizni gorodskogo naseleniya Severnogo Kazahstana vo vtoroj polovine 1920-h godov [“Socially alien elements” in the everyday life of the urban population of Northern Kazakhstan in the second half of the 1920s] // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series Humanities. 2014. № 3 (100). Part 1 – pp. 261-266. (In Russ.).

Krinko E.F. Repressii «po zakonu»: lishenie izbiratelnyh prav sovetskih grazhdan [Repression “by law”: deprivation of voting rights of Soviet citizens] // Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN. Vypusk 3(7). Syktyvkar, 2011. P. 81-85. (In Russ.).

Kzylorda Regional State Archives (KRSA) F. 2. In. 2. C. 15. Л.

KRSA. F. 24. In. 2. C. 125.

Lebina N.B. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda. Normy i anomalii. 1920–1930-e gody [Everyday life of a Soviet city. Norms and anomalies. 1920–1930s]. St. Petersburg, 1999. 382 p. (In Russ.).

Marginaly v sociume. Marginaly kak socium. Sibir (1920-1930-e gody) [Marginalized people in society. Marginalized people as a society. Siberia (1920-1930s)] / [Yu. I. Golikov, S.A. Krasilnikov, V.I. Pinkin and others; resp. ed. S.A. Krasilnikov]. M.: Political Encyclopedia, 2017. 600 p. (In Russ.).

Mazur L.N. Lishenie izbiratelnyh prav krestyan v 20-e pervoj polovine 30-h godov [Deprivation of voting rights of peasants in the 20s and the first half of the 30s] // Istoriya repressij na Urale: Ideologiya, politika, praktika (1917-1980-e gg.) Nizh. Tagil, 1997. pp. 105-118. (In Russ.).

Nagimov Sh. Lishency – izgoi totalitarnogo proshlogo [Disenfranchised - outcasts of the totalitarian past] // Prikaspijskaya kommuna. 2021, May 28 // <https://pricom.kz/istoriya-2/lishency-izgoi-totalitarnogo-proshlogo>. (In Russ.).

Novaya step [New steppe]. № 117 (194), 118, December 23, 1930 (In Russ.).

Omarbekov T. 20-30 jildardagı Qazaqstan qasireti [The tragedy of Kazakhstan in the 20s and 30s.]. Almaty: Sanat, 1997. 320 b. (In Kaz.).

Salamatova M.S. Izbiratelnaya sistema Sovetskoj Rossii 1918 – 1936 gg.: novye interpretacii [Electoral system of Soviet Russia 1918–1936: new interpretations] // Aktualnye problemy rossijskogo prava. 2013. № 12. P. 1535–1542. (In Russ.).

State Archives of the Aktobe Region (SAAR) F. 3. In. 2. C. 40.

SAAR. F. 3. In. 2. C. 60.

SAAR. F. 3. In. 2. C. 101.

State Archive of the Atyrau Region (SAAtr). F. 2. In. 6. C. 23

SAAtr. F. 2. In. 4. C. L. 32.

State Archive of the city of Astana (SAA). F. 244. In. 2. C. 15.

SAA. F. 32. In. 2. C. 18.

SAA. F. 32. In. 2. C. 23.

SAA. F. 98. In. 2. C. 1.

SAA. F. 98. In. 2. C. 3.

SAA. F. 32. In. 2. C. 23.

State Archive of Kostanay Region (SAKR) . F. P-72. In. 1. C. 188,

SAKR. F. P-72. In. 1. C. 362

Tikhonov V.I., Tyazhelnikova V.S., Yushin I.F. Lishenie izbiratelnyh prav v Moskve v 1920-1930-e gody. Novye arhivnye materialy i metody obrabotki [Deprivation of voting rights in Moscow in the 1920-1930s. New archival materials and processing methods]. M.: Mosgorarchiv, 1999. 255 p. (In Russ.).

Tulbasieva S.K. Lishenie izbiratelnyh prav v Kazahstane 1920-30-h gg. XX veka (na primere goroda Alma-Ata) [Deprivation of voting rights in Kazakhstan in the 1920s and 30s. XX century (on the example of the city of Alma-Ata)] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2023. № 3. P. 1-12. (In Russ.).